

УДК 882(929)

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М.БАХТИНА И М.ХАЙДЕГГЕРА: К ПРОБЛЕМЕ РЕЗОНАНСНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© А.М.Саяпова

Компаративный анализ философско-эстетических взглядов М.Бахтина и М.Хайдеггера дает возможность обнаружения резонансных отношений, объясняемых онтологическим типом мышления, формирующим принципиально новый подход к художественному творчеству.

Ключевые слова: смысл бытия, истина о сущем, эстетическое событие, художественное творение.

В рамках данной статьи представляется интересным обнаружение схожих черт между трудами М.Бахтина (1895-1975) и М.Хайдеггера (1889-1976), объясняемых аналоговым типом мышления в решении вопросов о бытии и об «истине сущего» (Хайдеггер), связанных с проблемами искусства. Компаративный анализ интересующих нас проблем, естественно, позволит увидеть и различия в идеологии двух синергетически осмысленных мыслителей.

Начнем с того, что традиционное рассмотрение искусства и художника с эстетической точки зрения, когда художественное произведение берется как предмет чувственного восприятия, чувственного переживания, совершенно не удовлетворяло ни Бахтина, ни Хайдеггера. Понимание искусства, сущность искусства, наслаждение искусством – все сводилось традиционной эстетикой к переживанию.

Искусство в философии М.Бахтина («Искусство и ответственность» (1919 г.), «К философии поступка» (1920-1934 гг.), «Автор и герой в эстетической деятельности» (1920-1924 гг.), М.Хайдеггера («Бытие и время» (1927 г.), «Исток художественного творения», (1936 г.) полностью определяется вопросом о бытии, ибо искусство, в их понимании, не является ни сферой достижения культуры, ни явлением духа, – оно принадлежит той сфере, где определяется истина бытия. И в этом смысле оба философа являются создателями фундаментальной онтологии, благодаря которой для XX века стало возможным экзистенциальное прочтение художественных текстов.

Смысл работ М.Хайдеггера «Исток художественного творения», М.Бахтина «К философии поступка» в том, что искусство не просто раскрывает перед нами истину, оно само есть *событие*. И это *событие* в форме «художественного творения» (Хайдеггер), «эстетического бытия» (Бахтин) и есть смысл бытия как истина о сущем.

Уже в самой ранней работе М.Бахтина «Искусство и ответственность» (1919 г.) говорилось о преодолении старого разрыва искусства и жизни. Он критически подходит к направлению эстетики XIX – начала XX века, которое истолковывает эстетическую деятельность как "вчувствование или сопереживание". В работах «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности» М.Бахтиным разрабатывается методологически существенный подход к определению эстетического акта, суть которого в том, что в неразрывной связи героя и автора как участников "эстетического *события*" важно их событийное соотношение и взаимодействие в эстетическом акте, благодаря чему и раскрывается истина о сущем, смысл бытия.

В книге Хайдеггера «Бытие и время» (1927 г.), как пишет толкователь суждений немецкого философа Ганс Георг Гадамер, современник расслышал «страстную критику беспроblemного мира культуры, сложившегося в сознании старшего поколения, критику индустриального общества с его все более усиливавшимся единообразием, приводящим к нивелированию личности, жизненных форм индивида, к манипулированию общественным мнением с помощью средств массовой коммуникации» [1: 118].

М.Хайдеггер, как и его современник М.Бахтин, убежден в том, что переживание есть та стихия, в которой искусство гибнет. «Подлинное бытие» в великом творении искусства, по Хайдеггеру, не черпается лишь в переживающем его «Я». «Бытие его – не в том, чтобы становиться «переживанием»; нет, сознание искусства вследствие своего собственного бытия здесь становится событием, откровением, становится тем ударом, который опрокидывает все прежнее, привычное, – тогда разверзается мир, какого не было прежде [1: 126-127].

Выделенные нами положения из работ М.Бахтина и М.Хайдеггера свидетельствуют о схожести основных исходных постулатов двух

философов в решении проблем искусства, которые сводятся к тому, что оба понимали искусство как истину бытия, то есть как истину человеческого существования, для обоих искусство – выразитель истины о сущем.

О том, что оба философа свои рассуждения об искусстве связывают с проблемой человеческого существования, говорят многие исследователи. Так, например, Эрих Соловьев в работе «Судьбическая историософия М.Хайдеггера» пишет: «Совпадения в исходных смысловых расчленениях повседневно-человеческого существования, к которым прибегли Хайдеггер и Бахтин, подчас просто поразительны (они работали на одном и том же проблемно-смысловом поле, ничего не зная друг о друге) [2: 385]. Однако вторая половина высказывания Э.Соловьева, а именно: «...еще больше поражает принципиальное различие – и это главное – их исходных установок» [2: 385], требует некоторого уточнения, поскольку, на наш взгляд, даже в так называемых «принципиальных различиях» имеется много общего, прежде всего на уровне логики построения суждений о сути искусства. Высказанное положение и определит основное содержание нашей работы.

Категория *события* как онтологическая определяет исходные позиции как эстетики М.Бахтина, в которой утверждается связь героя и автора как участников «эстетического события» («Автор и герой в эстетической деятельности»), так и толкования «художественного творения» М.Хайдеггером. В «Истоке художественного творения» он пишет: «...в слове «творение» мы расслышим сотворенность. Творческое в творении состоит в том, что оно создано художником» [3: 89]. У обоих философов свое оригинальное накопление эти категории («событие» – Бахтина, «сотворенность» – Хайдеггера) получают в контексте широкого, можно сказать, универсального понимания *события* как решающего фактора человеческого «общения» с бытием, благодаря которому только и выявляется сущее как онтологическое содержание. Следовательно, художественное творчество предстает прежде всего как переживаемое бытие.

Так, М.Бахтин в «Философии поступка» пишет: «Поскольку я действительно переживаю предмет, хотя бы переживаю-мыслию, он становится меняющимся моментом свершающегося события переживания-мышления его, т.е. обретает заданность, точнее, дан в некотором *событийном единстве*, где неразделимы моменты заданности и данности, бытия и долженствования, бытия и ценности. Все эти отвлеченные категории являются здесь моментами некоего живого,

конкретного, наглядного единственного целого – события» [4: 35]. И далее Бахтин говорит о художественно-эстетическом выражении этого переживаемого бытия (об «эмоционально-волевым тоне»), понимая его как диалог с ним, благодаря которому и составляется наглядность «единственного целого – события» [4: 35].

У М.Хайдеггера «художественное творение» как переживаемое бытие, вступая в событие с ним, рождает «нечто новое», выражающее истину. По Хайдеггеру, как пишет Гадамер, «каждый должен считаться с тем, что в художественном творении, в котором «восходит» мир, не только совершается и становится доступен опыту не познанный прежде смысл, но вступает в бытие вместе с появлением произведения искусства, нечто новое. Творение искусства не просто раскрывает перед нами истину, оно само есть *событие*» [1: 128]. То есть, по Хайдеггеру, произведение искусства, содержащее истину бытия как истину о сущем, и есть *событие*, благодаря которому и «восходит мир» как онтологическое содержание искусства. Хайдеггеровское «творение искусства» как событие перекликается с бахтинским «событийным единством» как результатом «события переживания-мышления» предмета искусства.

Из процитированного текста М.Бахтина выделим категорию долженствования, о которой как стержневой, определяющей философско-эстетическую мысль Бахтина, говорят исследователи его творчества. Как отмечает С.Г.Бочаров, уже в работе «Искусство и ответственность» вводится нравственная бахтинская категория «ответственность»: «искусство и жизнь – взаимно ответственны друг перед другом; осуществлением же ее должна стать «сплошь ответственная» личность человека – как человека-художника, так и «человека-жизни» [5: 322]. В работе «К философии поступка» М.Бахтин утверждает: «Понять предмет – значит понять мое долженствование по отношению к нему (мою должную установку), понять его в его отношении ко мне в единственном бытии-событии, что предполагает не отвлечение от себя, а мою ответственную участность» [4: 24]. «Ответственная участность» и есть, по Бахтину, «нудительно обязательная» для каждого: «То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может. Единственность наличного бытия – нудительно обязательна. Этот факт *моего не-алиби в бытии*, лежащий в основе самого конкретного и единственного долженствования поступка, не узнается и не познается мною, а единственным образом признается и утверждается [4: 41]. «Не-алиби в бытии» и определяет категорию долженствования»

ния Бахтина, ставшую нравственным фокусом во всех его последующих философско-эстетических изысканиях. И отталкивается он от толкования долженствования как доминантного критерия, определяющего человеческую жизнь во всех ее ипостасях, о чем он пишет уже в работе «К философии поступка».

На наш взгляд, бахтинское «не-алиби в бытии» как «место» в бытии с категорией долженствования переключается с гуссерлевским «здесь-бытием», содержащим тоже категорию долженствования, поскольку оно характеризуется как «исторически-совершающееся здесь-бытие», то есть как то, что неотвратно, должно в своем существовании. Творчество («подлинно поэтический набросок»), по Хайдеггеру, – это «раскрытие того самого, вовнутрь чего искони брошено исторически-совершающееся здесь-бытие» («Истина и искусство») [6: 105]. «Здесь-бытие», по мысли европейского основоположника фундаментальной онтологии, «это – земля, для народа же в его историческом совершении его земля – затворяющаяся почва-основа, на которой зиждется и покоится этот народ вместе со всем тем, что он уже стал и что он есть, хотя бы скрыто от самого себя» [6: 105]. Она, земля, как таковая есть мир народа, «правлящий на основе сопряженности здесь-бытия с несокрытостью бытия» [6: 105]. «Почва-основа» и есть, по Хайдеггеру, земля, то есть «здесь-бытие с несокрытостью бытия» – истиной о бытии.

Рассмотрим теперь понятие «долженствующей единственности» М.Бахтина в его отношениях с хайдеггеровским «исторически-совершающимся здесь-бытием», содержащим в себе понятие «народ». У М.Бахтина: «То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может». И далее: «Моя единственность и дана, и задана: я емь действительный, незаменимый, и потому должен осуществить свою единственность» [4: 41]. У М.Хайдеггера нет прямых высказываний о единственности личного бытия. Он мыслит всеобъемлющими понятиями – «народ», «его земля» как источник истины. По Хайдеггеру, «исторически-совершающееся здесь-бытие» – это и есть для народа земля в онтологическом, экзистенциальном его толковании, и она – источник истины в произведении искусства. Ценным для наших рассуждений является нахождение Гансом Гадамером общего в мыслительных подходах Хайдеггера и Гегеля в преодолении противоположности субъекта и объекта в процессе выражения истины в произведениях искусства. Как замечает Гадамер, М.Хайдеггер «принципиально преодолевает противоположность субъекта и объекта, «Я» и

предмета и, описывая бытие произведения искусства, исходит не из субъективности субъекта» [1: 127], что и свидетельствует о том, что в понимании бытия как совершения истины Хайдеггер исходит из понимания отдельной личности в его слитности с народом. Понятие «личность» у М.Хайдеггера равно понятию «народ», следовательно, «долженствующая единственность» Бахтина соответствует хайдеггеровскому «здесь-бытию народа», содержащему в себе неповторимость и индивидуальное «здесь-бытия» с категорией долженствования, поскольку индивидуальное равно целому народу с его «землей в историческом совершении».

Следующее, что сближает М.Бахтина и М.Хайдеггера, это то, что в толковании художественного творчества как переживаемое бытие ими разграничивается художественное творчество и «данность бытия».

Чтобы получить художественное творчество с «истиной о сущем», считает Бахтин, «внешние границы» человека и его мира «нуждаются в эстетическом приятии, воссоздании, обработке и оправдании». Эстетическое выражение «данности бытия» достигается благодаря двум философским категориям – времени и пространству, ставшими у Бахтина всеобъемлюще универсальными в характеристике «данности бытия». Обосновывая пространственную и временную форму «данности бытия» в его эстетическом выражении, художник, по мнению Бахтина, «имея дело с бытием человека и его миром, работает и с его пространственной, временной данностью, то есть с внешними границами как необходимым моментом этого бытия, и, переводя это бытие человека в эстетический план, он должен перевести в этот план и его внешность в пределах определяемых родом материала (красок, звуков и проч.)» [7: 163].

Чтобы получить создание искусства с «истиной о сущем» с его «внешними границами», М.Хайдеггер, как и М.Бахтин, разграничивая «художественное творение» и вещь, выдвигает тезис: «Нигде в творении нет и следа вещества; оно не бытийствует в творении» [8: 80]. Вместе с тем, как пишет Гадамер, М.Хайдеггер осознает, что произведение искусства в первом своем рассмотрении отличается вещностью – «вещность есть базис, на котором в качестве надстройки возводится собственно эстетическое строение» [1: 125]. Однако выход наружу «истины о сущем» мыслим лишь на основе творения, но никоим образом не на основе его вещного базиса. Основной онтологический постулат М.Хайдеггера, раскрывающий суть того, что «творится в творении», выражается им следующим образом:

«творится раскрытие сущего в его бытии: творится совершение истины» [9: 71]. Из этого вытекает следующее: «только тогда мы ближе подойдем к творческой сути творения, к дельности изделия, к вешности вещи, когда начнем мыслить бытие сущего» [9: 71]. «Вещность вещи» в художественном творении, «если уж оно принадлежит к бытию творения творением», должна мыслиться на основе творческого». Следовательно, «художественное творение раскрывает присущим ему способом бытие сущего» [9:72]. Искусство же в своей сущности, по Хайдеггеру, «есть исток – выдающийся способ становления истины, становящейся благодаря искусству сущей, то есть совершительной» [6:107].

1. Гадамер Г.Г. Введение к истоку художественного творения // Хайдеггер М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. – М: Гнозис, 1993. – С. 120 – 132.

2. Соловьев Э. Судьбическая историософия М. Хайдеггера // http://scepsis.net/library/id_2661.html (дата обращения: 24.08. 2013).
3. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Хайдеггер М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. – М.: Гнозис, 1993. – С. 120-132.
4. Бахтин М.М. Философия поступка // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. – Киев: NEXТ, 1994. – С. 11–68.
5. Бочаров С.Г. Примечания // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. – Киев: NEXТ, 1994. – С. 321 – 323.
6. Хайдеггер М. Истина и искусство // Хайдеггер М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. – М.: Гнозис, 1993. – С. 89 – 109.
7. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. – Киев: NEXТ, 1994. – С. 71 – 255.
8. Хайдеггер М. Творение и истина // Хайдеггер М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. – М.: Гнозис, 1993. – С. 73 – 88.
9. Хайдеггер М. Вещь и творение // Хайдеггер М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. М: Гнозис, 1993. – С. 55 – 72.

PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC VIEWS OF M.BAKHTIN AND M.HEIDEGGER: ON THE ISSUE OF RESONANCE RELATIONS

A.M.Sayapova

The comparative analysis of philosophical and aesthetic views of M.Bakhtin and M.Heidegger makes it possible to detect resonance relations, explained by the ontological type of thinking, which forms a fundamentally new approach to artistic creativity.

Key words: meaning of life, the truth of all things, aesthetic event, artistic creation.

Саяпова Альбина Мазгаровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: rzmpl@list.ru

Поступила в редакцию 30.05.2013